

ВО ВСЕМ
ВИНОВАТ
ЛИШАЙНИК

Прощание получилось великолепным.

Похожие на печальных ангелов хористки в белоснежных одеяниях, с золотыми нитями в волосах, пели так сладостно...

Церемония закончилась, и в переполненной часовне воцарилась напряженная тишина, а в душном, тяжелом воздухе медленными волнами плыл аромат тысяч цветов.

Гроб украшали сложенные в пирамиды венки. По его углам застыл почетный караул в классических одеяниях из пурпурного шелка, расшитого блистающими золотыми шнурами, склоненные головы покрывали золотые сеточки, в руках девушки держали позолоченные пальмовые ветви.

Епископ бесшумно поднялся по низенькой лесенке и подошел к кафедре. Положил перед собой раскрытую книгу, немного помолчал, а потом поднял глаза.

— ...Наша возлюбленная сестра Диана... незавершенная работа, которую ей теперь так и не придется закончить... ирония судьбы — не самые подходящие слова — ведь речь идет о воле нашего Господа... Он дает; Он берет... если Он забирает оливковое дерево, которое дал нам, еще до того, как оно начало плодоносить, значит, мы должны принять Его волю... Сосуд Его вдохновения... Преданность целям... Стойкость... Изменение в самом ходе человеческой истории... Тело Твоего слуги... Диана...

Глаза сотен женщин — мужчин здесь почти не было — обратились к гробу, который начал медленно опускаться.

Тщательно уложенные цветы посыпались на ковер. Полились тихие, торжественные звуки органа, и воздух вновь наполнился печальным пением. А через несколько мгновений гроб окончательно скрылся из глаз. Негромкие всхлипывания, маленькие белые платочки...

Когда Стефани с Ричардом выходили из церкви, толпа оттеснила их в сторону, но, обернувшись, она заметила отца в нескольких ярдах позади. Среди окружавших его женщин он казался выше, чем был на самом деле. Красивое лицо не выдавало никаких чувств — он выглядел усталым, словно происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

Снаружи, у церкви, собралась огромная толпа — те, кому не хватило места внутри. Почти все лица были мокрыми от слез. По обе стороны от двери землю устилали цветы, так что люди, выходящие из церкви, шли словно по пестрому благоухающему ковру. Кто-то в толпе держал длинный шест с большим *сгух ansata*^{*}, целиком сделанным из белых лилий, которые придерживала широкая черная шелковая лента.

Стефани и Ричард выбрались из потока устремившихся от церкви людей и остановились. И хотя в глазах девушки стояли слезы, она грустно улыбнулась.

— Бедная, милая Диана, — сказала Стефани. — Ты только представь себе, как бы все это ее позабавило.

Потом она достала платочек, приложила его к глазам и уже совсем другим, деловым тоном заявила:

— Пошли. Нужно найти папу и увести его отсюда.

Похороны, надо сказать, получились просто замечательные.

«Ньюс-Рекорд» писала:

«...Женщины из всех слоев общества, из каждого уголка Британии собрались сегодня, чтобы отдать последний долг мисс Диане Брекли.

Вскоре после рассвета к тем, кто всю ночь провел перед воротами кладбища, присоединились многие тысячи скорбящих.

Когда наконец долгое бдение закончилось и появилась медленно движущаяся, утопающая в цветах процессия, люди бросились вперед, но их остановили плотные кордоны полиции, и тогда под колеса траурного кортежа полетели цветы. Он медленно продвигался вперед, по щекам скорбящих жен-

^{*} Буквально — крест, снабженный ручками. Символ вечности у древних египтян (*лат.*).

щин текли слезы, над рядами собравшихся пронесли стенания¹.

С похорон Эмили Дэвисон², Лондон не видывал подобных почестей, которые женщины оказывали бы женщине».

А потом, поскольку «Ньюс-Рекорд» всегда беспокоилась о том, чтобы ее читатели понимали написанное для них, были сделаны сноски:

¹. Стенания — плач или горестные стоны.

². Похороны Эмили Уилдинг Дэвисон состоялись 14 июня 1913 года. Дэвисон была представительницей женского движения за равноправие и умерла в результате травм, полученных после того, как она бросилась под копыта королевского скакуна во время дерби 4 июня того же года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Из зала все вынесли. Кто-то украсил стены мрачного вида ветками вечнозеленых растений. Кто-то другой, вероятно, решил, что мишура немного поднимет настроение. Столы у стены, словно длинная, застеленная белой скатертью стойка бара, были уставлены тарелками с бутербродами, разноцветными пирожными, пирожками с сосисками, кувшинами с лимонным и апельсиновым соком, вазами с цветами и кофейниками. Сама же комната напоминала ожившую палитру. Издалека казалось, что целая стая скворцов распевает свои вечерние песни.

В колледже Святого Меррина праздновали окончание семестра.

Мисс Бенбоу, преподавательница математики, слушая скучный рассказ Авроры Трегг о непревзойденных умственных способностях ее щенка, не спеша оглядывала комнату, мысленно составляя список тех, с кем обязательно следует поговорить сегодня вечером. В дальнем конце комнаты она заметила Диану Бреккли, которая на несколько мгновений осталась одна. Диана, несомненно, была среди тех, кто заслуживал похвалы и самых теплых поздравлений, поэтому, воспользовавшись короткой паузой в восторженном повествовании Авроры, мисс Бенбоу похвалила сообразительного щенка, пожелала ему всего самого наилучшего в будущем и поспешно ретировалась.

Проходя по комнате, она неожиданно взглянула на Диану глазами постороннего человека. Школьница превратилась в прелестную девушку. Возможно, дело в том, как она одета. Простое голубое платье, казалось, ничем не выделяется среди остальных, но если рассмотреть его повнимательнее, совсем недорогое — мисс Бенбоу знала это совершенно точно, — и все же в нем есть стиль. Диана всегда одевалась со вкусом,

а еще обладала качеством, благодаря которому вещь стоимостью в три гиней казалась дорогой. Мисс Бенбоу улыбнулась, отметив, что, пожалуй, этот редкий дар достоин уважения. Неожиданно она подумала, что внешность является одним из талантов Дианы. Впрочем, ее нельзя, собственно, назвать хорошенькой. Хорошенькие девушки прелестны, как цветы в мае, но весной их такое множество! Ни один человек, владеющий чувством языка, не назвал бы Диану хорошенькой...

Восемнадцать — всего восемнадцать — было тогда Диане. Довольно высокая — пять футов и десять дюймов, — стройная и хрупкая. Темно-каштановые волосы с легким красноватым оттенком. Линии лба и носа не в чистом виде греческие, но их так и хотелось назвать классическими. Едва заметно подкрашенные губы — все-таки она пришла на вечеринку — выгодно выделяли их обладательницу среди множества пурпурных бутонов. Рот сам по себе ничего не обещал постороннему наблюдателю, однако при случае волшебным образом улыбался, не слишком часто, впрочем. А стоило вам подойти к Диане поближе, как вы окунались в ее чудесные серые глаза, оторваться от которых было почти невозможно. Они смотрели на вас и оценивали, поражая своей спокойной уверенностью. Поскольку обычно мисс Бенбоу обращала внимание на способности девушки, а не на ее внешность, она с некоторым удивлением вдруг поняла, что Диана стала настоящей «красавицей», как было принято говорить во времена молодости ее родителей.

Эта мысль вызвала приятные чувства — в школах вроде колледжа Святого Меррина не только ставили своей целью дать ребенку хорошее образование; здесь старались получше подготовить девушек к вступлению во взрослую жизнь — а у красивого, привлекательного человека всегда больше шансов выжить в суровых джунглях современного общества, где ты нередко оказываешься в окружении совершенно невежественных особей.

Всякие болваны предлагают дурацкую работу, вьются, словно бабочки с радужными крыльями из банкнот, стараются завлечь, в воздухе витают самые разные соблазны, клейкая паутинка раннего замужества пытается заманить в свои сети, мамы с куриными мозгами неожиданно выскакивают из кустов, а близорукие папаши неуверенно бредут по тропе жизни;

прямоугольные мерцающие глаза гипнотически горят в темноте, тамтамы выбивают безумный ритм, и, перекрывая гвалт, кричат пересмешники: «Какое это имеет значение, пока она счастлива?.. Какое это имеет значение?.. Какое это имеет?..»

Поэтому вы, естественно, будете испытывать некоторую гордость, наблюдая за теми, коим помогли преодолеть все эти опасности.

Однако мисс Бенбоу была вынуждена напомнить себе, что Диана не особенно нуждалась в подобной помощи. Жизненные бури не слишком ее тревожили. С полнейшим равнодушием наблюдала Диана за различного рода искушениями, словно ей и в голову не приходило, что они могли быть направлены на нее. Девушка вела себя, как образованный путешественник, попавший в интересную страну. Возможно, конечная цель еще не совсем понятна, но она, несомненно, находится где-то впереди, а то, что кого-то привлекают остановки в маленьких придорожных городках, вызывает удивление да и только.

Можно радоваться, что Диана многого добилась, но ставить это себе в заслугу вряд ли будет правильно. Девушка напряженно трудилась и заслужила успех. Единственное, о чем можно пожалеть — впрочем, наверное, это неправильно, учитывая, с какими инертными и равнодушными детьми приходится иметь дело, — можно пожалеть, что у нее... ну, уж слишком яркая индивидуальность, что ли?..

К этому моменту мисс Бенбоу добралась до середины зала, и Диана заметила ее приближение.

— Добрый вечер, мисс Бенбоу.

— Добрый вечер, Диана. Я хочу тебя поздравить. Это замечательно, просто замечательно. Конечно, никто из нас и не сомневался — более того, мы были бы ужасно разочарованы, если бы обстоятельства сложились иначе. Однако такой полный успех — я даже боялась надеяться.

— Огромное вам спасибо, мисс Бенбоу. Но дело тут не во мне. Я хотела сказать, что без всех вас я бы не смогла ничего добиться. Ведь вы говорили мне, что нужно делать, не так ли?

— Ну, именно для того мы здесь и находимся, но и мы у тебя в долгу, Диана. Даже в нынешние времена стипендия, которую ты получила, делает нашей школе честь — а резуль-

таты, которые ты показала, едва ли не самые лучшие за все годы существования колледжа Святого Меррина. Я полагаю, тебе это известно.

— Мисс Фортиндейл была очень довольна.

— Ну, это еще мягко сказано. Она просто в восторге. Как и все мы.

— Благодарю вас, мисс Бенбоу.

— И, конечно, родители тоже восхищены твоими успехами.

— Да, — с некоторым сомнением согласилась Диана. — Папа рад. Ему нравится, что я буду учиться в Кембридже, потому что он сам мечтал об этом. Если бы я не получила стипендию, на это нельзя было и надеяться, мне пришлось бы поступить, — тут она вспомнила, что мисс Бенбоу заканчивала лондонский университет, и в последний момент успела поправиться: — в какой-нибудь «кирпичный университет»^{*}.

— В некоторых «кирпичных» очень даже неплохо учат, — заметила мисс Бенбоу с легким укором.

— О да, конечно. Просто когда ты уже что-то решила, любой другой вариант кажется неудачей. Вы понимаете, что я имею в виду?

Мисс Бенбоу не захотела вступать в дискуссию на эту тему.

— А что думает твоя мама? Она тоже должна тобой гордиться.

Диана посмотрела на мисс Бенбоу своими серыми глазами, которые, казалось, видели дальше и больше, чем глаза большинства других людей.

— Да, — ответила девушка равнодушно, — именно так она к этому и относится.

Мисс Бенбоу слегка приподняла брови.

— Я хотела сказать, что она, наверное, ужасно гордится моими успехами, — пояснила Диана.

— Но все так и есть, — запротестовала мисс Бенбоу.

— Она пытается. Мама и в самом деле вела себя очень мило, — сказала Диана, еще раз взглянув на мисс Бенбоу. — Только я никак не могу взять в толк, почему матери продол-

^{*} То есть сложенный из кирпича, а не из камня, как три самых известных английских университета — Оксфордский, Кембриджский и Лондонский.

жают считать, что быть красивой, чтобы мужчины просто умирали от желания затащить тебя к себе в постель, гораздо важнее и достойнее, и что умной при этом быть совершенно не обязательно? По-моему, правильнее было бы как раз наоборот.

Мисс Бенбоу заморгала. Разговор с Дианой принимал неприятный оборот. Впрочем, есть ли у нее право пасовать перед трудностями?

— Я думаю, — серьезно проговорила она, — что следует заменить слово «достойнее» на слово «естественнее». Ведь мир «умников» для большинства матерей является таинственной книгой за семью печатями, они чувствуют себя в нем весьма неуверенно; зато большинство женщин, и это вполне понятно, считают, что являются крупными специалистами в другой области, что они прекрасно все понимают и могут оказать бесценную помощь своим дочерям.

Диана задумалась.

— И все же слова «достойно» и «прилично» все равно каким-то образом возникают — хотя я и не очень понимаю почему, — проговорила девушка, слегка нахмурившись.

Мисс Бенбоу чуть покачала головой:

— Тебе не кажется, что ты смешиваешь два совершенно разных понятия: приличия и конформизм? Родители, естественно, хотят, чтобы дети жили по понятным им правилам и законам. — Она поколебалась несколько мгновений, потом заговорила снова: — Тебе никогда не приходило в голову, что, когда дочь домохозяйки решает сделать карьеру, она тем самым подвергает критике жизненные принципы матери? Она словно говорит: «Та жизнь, что была вполне подходящей для тебя, мамочка, совершенно не годится для меня». Знаешь, матерям, как, впрочем, и всем остальным людям, такие идеи не очень-то по душе.

— Я никогда не думала об этой проблеме с такой точки зрения, — задумчиво призналась Диана. — Значит, получается так: в глубине души матери не перестают надеяться, что их дочери, решив сделать карьеру, потерпят неудачу и таким образом предоставят им еще одно доказательство извечной правоты старшего поколения?

— По-моему, это уж слишком прямолинейно, ты со мной не согласна?

— Но... ведь получается именно так, разве нет, мисс Бенбоу?

— Думаю, нам следует переменить тему разговора, Диана. Где ты собираешься провести каникулы?

— В Германии, — ответила Диана. — По правде говоря, гораздо больше я хотела бы побывать во Франции, но Германия гораздо полезнее.

Они еще немного поговорили о каникулах, а потом мисс Бенбоу снова поздравила Диану и пожелала ей успехов в университетской жизни.

— Я ужасно благодарна за все. И так рада, что вы мной довольны, — сказала ей Диана. — Вот что представляется мне ужасно забавным, — задумчиво продолжала она, — мне кажется, любая девушка способна стать желанной кандидаткой в жены, стоит ей только использовать свои мозги по назначению, даже если у нее их не так и много. Поэтому я никак не возьму в толк...

Однако мисс Бенбоу не дала ей снова втянуть себя в дискуссию.

— О, — воскликнула она, — вот и мисс Таплоу! Не сомневаюсь, что она просто сгорает от желания поговорить с тобой. Идите сюда.

Ей очень ловко удалось скользнуть в сторону, и в тот момент, когда мисс Таплоу начала довольно скучным голосом поздравлять Диану, мисс Бенбоу развернулась — и тут же оказалась лицом к лицу с Брендой Уоткинс. Пока она поздравляла Бренду, на пальчике которой красовалось совсем маленькое и совсем новенькое колечко, знаменующее помолвку и являющееся гораздо более значительной ценностью, чем все стипендии во всех университетах мира, она услышала голос Дианы у себя за спиной:

— Ну, быть просто женщиной и больше ничем кажется мне совершенно бессмысленным и бесперспективным занятием, мисс Таплоу. Я хочу сказать, что рассчитывать на повышение по службе тут ведь не приходится, не так ли? Если только ты не станешь содержанкой или чем-нибудь в таком же роде...

— Никак не могу понять, в кого она такая, — удивленно проговорила миссис Брекли.

— Ну, уж не в меня, это точно, — объявил ее муж. — Знаешь, мне иногда даже хотелось, чтобы в нашей семье нашелся